

Те, кто грезит днем,— опасные люди, ибо они способны претворить свои грезы в жизнь. Именно это я и сделал.

Т. Э. Лоуренс

ГЛАВА I

Когда все началось; свиньи и кризис; тесное общение с руководством

Свет погас в «Безымянном баре» сразу после девяти. Согнувшись над бильярдным столом, я опустил руку на протертый полукруг — от пивной кружки, как утверждал бармен Флинн, вот только размером и формой он в точности повторял сидище его жены: разрезанное пополам яблоко шириной в добрый ярд.

Флуоресцентная лампа над столом моргнула, погасла и опять включилась; холодильник со стеклянной дверцей тихо, неуверенно заурчал. Загудела проводка — и тут же наступила темнота, только на телевизоре танцевал слабый отсвет помех да нервно мерцала зеленая лампочка у выхода.

Я перенес центр тяжести на отпечаток задницы миссис Флинн и все-таки ударил по битку. Белый шар прошлепал по сукну, оттолкнулся от двух бортов и аккуратно забил восьмерку в боковую лузу. Дуфф, дуфф, чк... бух. Безупречно. Но метил-то я в шестерку — выходит, я продел Джиму Хепсобе. Как только электричество включат и все в «Безымянном баре» вернется на круги своя, я отдам кий лучшему другу, герою Гонзо, чтобы Джим расправился и с ним.

Как только, так сразу.

Но свет не дали. Тускло мерцавший телевизор окончательно потух. Наступил короткий миг тишины — из тех, что и заметить-то едва успеваешь, а грустно почему-то становится. Затем Флинн вышел, бранясь как черт-те кто и даже хуже, — если этот Черт-те Кто однажды встретится с Флинном, и между ними случится разборка (решающий бой в духе вестернов, с отборной руганью), я точно знаю, на кого ставить деньги.

Флинн врубил генератор, приводимый в действие, упаси господи, свиньями. Четырех мощных вонючих зверей начали впрягать в вóрот, от чего поднялся дикий шум, как от кавалерии в бою, и Флинн обрушил часть грязной ругани на ближайшего хряка. Тот скорчил брезгливую морду, точно его вот-вот вырвет, и кинулся было наутек. Остальные вынужденно последовали за ним, медленно, но верно двинувшись вокруг вóрота; вскоре к ним присоединился неудавшийся беглец. Увидев, что Флинн готовит новую порцию ругательств, он попробовал остановиться, однако не смог, поскольку был привязан к крестовине и трем своим собратьям. Тогда он рванул мимо Флинна на предельной скорости, какую только может развить свинья. Вóрот завращался быстрее, и под скрежет, смрад и хрюканье генератор наконец заработал. Экран телевизора вспыхнул и принес дурные вести.

Хотя нет, не вспыхнул. Картинка была размытая, словно кинескоп неисправен. Горели огни, раздавались крики — сначала тихие, потом все более отчетливые (Салли Калпеппер прибавляла громкость). Изображение дергалось и дрожало, мимо камеры бегали исполошенные люди и орали «назад», «уходим» и «очертвоюмать» — возгласы вроде последнего никто не потрудился заметить гудком. На среднем плане кто-то корчился на земле. В мире творилось нечто чудовищное и немислимое, а какой-то подлец с камерой решил заработать лишние

десять штук за риск, вместо того чтобы закатать свои подлые рукава и спасти пару жизней. Знал я на Сгинь-Войне одного журналиста, который именно так и сделал: бросил дорогущую казенную «Диджи VII» в сточную канаву и вытащил шестерых штатских и одного сержанта из горящего санитарного грузовика. Вернувшись домой, он получил медаль за доблесть и письмо об увольнении от босса. Сейчас он в желтом доме, зовут его Михей Монро. Каждый день к нему приходят двое из больницы для ветеранов, выводят его на прогулку и следят, чтобы медаль на прикроватной тумбочке всегда блестела. Двух чудаков зовут Гарри и Хойл, и у них есть свои медали, но это меньшее, что они могут сделать для человека, который ради них лишился рассудка. В санитарном грузовике был сын Гарри, понимаете? Его и еще кое-кого Михей вытащить не смог.

Мы уставились в телевизор и попытались разобраться, что там происходит. На миг нам почудилось, будто горит Джоргмундская Труба — но это все равно что небо упало бы на землю. Труба — трижды укрепленное, самое надежное, безопасное и насущно необходимое сооружение на свете. Мы сколотили ее впопыхах, но потом сделали неразрушимой. Чертежи разработали лучшие специалисты, их проверили и перепроверили лучшие испытатели, после чего и самих испытателей подвергли скрупулезным осмотрам и допросам на предмет склонности к диверсиям, самопожертвованию или случаев серьезной, по сей день не выявленной банальной тупости. Затем за работу принялись подрядчики — по схеме, в которой все внимание уделялось не скорости, а тщательности и строгому соблюдению правил и которая налагала на спекулянтов и барышников столь суровые взыскания, что проще было сразу удавиться, чем рискнуть. Потом, вооружившись молотками, пилами, генераторами грозовых импульсов и торсионными двигателями, над Трубой стали корпеть

инспекторы и эксперты в области катастроф. Наконец ее объявили надежной. Все обитатели Жилой зоны объединились в общем стремлении беречь и охранять Трубу. Вероятность пожара невозможно было допустить даже гипотетически.

Однако Труба горела, и горела вовсю — нездоровым белым пламенем, трупно-бледным, магниевым, омерзительным, а за пожаром виднелись здания и заборы. Выходит, горела не просто Труба, а какая-то важная насосная станция или очистительный завод. Все заволокло горячим сияющим дымом, а в самом сердце печи творилось такое, что был не в силах воспринять человеческий ум, невысказанное и скверное, причем с собственным музыкальным сопровождением. На экране нечто очень важное распалось на шум и свет.

— Вот ДЕРЬМО! — проговорил за всех Гонзо Любич.

Удивительно: мы (уже не впервые) смотрели на конец света, кошмарное зрелище, и одновременно видели на экране славу, почести, деньги и иные приятные вещи, полученные в награду от благодарных граждан. То есть мы видели смысл своего существования. Потому что «эт-то п-по т-телику» было пожаром и худшей техногенной катастрофой, какую можно вообразить, а мы, леди и джентльмены, возьмемся же за руки, — сотрудники «Частного гражданского аварийно-транспортного агентства по спасению мира» (штаб-квартира — «Безыманный бар», председатель и генеральный директор Салли Д. Калпепер), и именно такие проблемы мы решаем лучше всех в Жилой зоне, а стало быть, лучше всех на свете.

Салли тут же заговорила с Джимом Хепсобою, а потом и с Гонзо, составляя списки и раздавая поручения. Она велела Флинну варить фирменный, проедающий сталь эспрессо, и в конце концов даже миссис Флинн встала с бильярдного стола и помчалась собирать снедь и отправлять письма любимым и забытым, а также всем, на кого

сквозь пепел, парящий в воздухе «Безымянного бара», украдкой бросала восхищенные взгляды. Мы же бегали туда-сюда, врезаясь друг в друга и ругаясь, потому что никаких важных поручений у нас не было. В баре стоял гомон и хохот, пока Салли не вскочила на бильярдный стол и не велела всем заткнуться. Словно бедренную кость какого-нибудь святого, она воздела над нашими головами мобильный телефон.

Самой примечательной частью тела высоченной Салли Калпеппер были ноги, а на правой лопатке у нее красовалась орхидея, наколотая одним талантливым парнишкой — еще немного и Микеланджело. У нее были клубничные губы, сливочная кожа и веснушки на носу (в месте перелома, заработанного в лиссабонском баре). Гонзо утверждает, что спал с ней, и эти ноги обвивали его бедра, точно удавы, покрытые итальянской телячьей кожей. Говорит, когда Салли ушла, он был почти труп, но улыбался во весь рот. Говорит, это случилось после одного крупного дела, когда пиво чуть не с потолка текло, а от радости и мыла лица у всех светились, точно яичные желтки. Говорит, это было еще до того, как Джим и Салли перестали бороться с неизбежным и начали жить вместе. Всякий раз, когда мы встречались — я, Гонзо, Салли, Джим и другие, — Гонзо хитро улыбался ей и спрашивал, какживает вторая татуировка, а Салли тоже заговорщицки улыбалась: мол, все равно я вам не скажу, видел ли он эту наколку. Джим Хепсоба делал вид, будто не слышит: он любил Гонзо братской любовью, а такая любовь предполагает, что тебе плевать, осел твой приятель или нет.

Мы все души не чаяли в Салли Калпеппер; своими прозрачными ресницами, румяным личиком доярки и точеными руками, которые при случае били, как паровой молот, она делала с нами что хотела.

Итак, Салли залезла на стол, и в баре установилось факсимиле спокойствия и сосредоточенности, поскольку

звонок мог поступить только по одному телефону. Прием здесь был отличный — отчасти поэтому «Безымянный бар» и стал нашей штаб-квартирой.

Словом, мы бросили искать потерянные носки и дорожные сумки, прекратили волноваться, что пропустим сигнал к началу марафона, и полностью доверили сбор снеди миссис Флинн. Вскоре начались тихие разговоры о домашних обязанностях: кому чистить водосточные желоба, а кому прогонять с чердака летучих мышей. Когда зазвонит телефон (это случится в любой миг), мы пойдем и спасем мир — любимое занятие Гонзо, ну и мое, в силу сложившихся обстоятельств. А до тех пор можно не суетиться.

Потом в «Безымянном баре» опять воцарилась тишина; маленькими группками или по одному все умолкли, воззрившись на предзнаменование страшной участи.

Предзнаменование приняло обличье маленького ребенка, который держал в руках потрепанного мишку в засохших соплях. Дитя авторитетной поступью вошло в зал, окинуло нас строгим взглядом и обратилось к миссис Флинн за подробностями судебного разбирательства.

— Почему было темно? — спросило оно.

— Электричество отключили, — весело ответила миссис Флинн. — Пожар!

Ребенок еще раз сердито оглядел комнату и с досадой произнес:

— Очень шумно! А этот дядя грязный. — Он показал пальцем на Гонзо (тот поморщился) и перевел взгляд на Салли Калпеппер. — У тети на спине цветочек.

Видимо, это открытие позволило ребенку заключить, что мы ни на что не годимся. Он уселся посреди пола, подобрал с него кусочек сыра и рулет из бекона. Мы по-прежнему взирали на страшное видение и терли глаза кулаками, надеясь, что оно исчезнет.

— Извините,— обратилась миссис Флинн ко всем нам,— обычно мы его не пускаем, однако сегодня случай непредвиденный.— Она сердито посмотрела на ребенка.— Милый, нельзя это кушать, оно лежало на полу рядом с грязным дядей.

Гонзо нашел бы что возразить, но, видимо, попросту ее не услышал. Как все остальные в баре, он в немом ужасе глазел на ребенка. То было бесспорно человеческое дитя, и выводы напрашивались весьма неприятные, даже пугающие. Ребенок, завернутый в банное полотенце и сующий в ухо четырехдюймовую булочку из цельного зерна, был Отродьем Флинна.

Разумеется, пожар на Джоргмундской Трубе — серьезный повод для беспокойства. Впереди нас ждали новые опасности и новые возможности, почти наверняка обманы, тайные интриги и прочее в том же духе. Это вполне укладывалось в нашу картину мира. Что-то горело, взрывалось, а потом приходили мы и все исправляли. Однако плодящиеся Флинны — другое дело. Флинн был нашим личным чудищем, безобидным, но страшным огром, вооруженным едкой бранью и зловещими очками. Он был наш, он был велик и могуч, и мы рядом с ним тоже были велики и могучи, а свою чрезмерную мужественность он доказывал бесстрашными половыми актами с необъятной миссис Флинн, — но нам вовсе не хотелось, чтобы мир целиком состоял из плотных рядов флинноподобных созданий: грязно ругающихся, ворчливых и не желающих принимать долговые расписки. Такое устройство мира даже храбрейшие из нас сочли бы неблагоприятным, а ведь его предвестие, Отродье Флиннов, уже сейчас роняло комочки сыра на Гонзов ботинок. Миссис Флинн спокойно закончила домашние дела, которыми занималась одновременно со складыванием сменной одежды, и вышла. Отродье Флиннов беспечно пропустило мимо ушей материнский наказ и куснуло грязный рулет.

— Хрустящий!

Чирикнул телефон Салли Калпеппер, и мы нарочно отвели глаза.

— Калпеппер,— пробормотала она в трубку и через секунду хлопнула крышкой.— Ошиблись номером.

Мы состроили безразличные мины.

Какое-то время «Безымянный бар» наполнился лишь детским чавканьем и суровым молчанием бывалых героев, которым приходили на ум тревожные и непривычные мысли о времени, смерти и семье. Потом безмолвие нарушил... нет, не звонок, но звук столь низкий, что и звуком-то не назовешь.

Поначалу он заявил о себе агрессивной тишиной. Вокруг по-прежнему свистела и рычала пустыня, однако все перекрыла низкая, басовая тишина. Потом в коленях и лодыжках возник холодок, зыбкая прединфарктная слабость и вибрация. Чуть позже раздалось дробное дык-дык-дык, которое эхом отдавалось в легких и намекало, что сегодня вы станете чьим-то ужином. Если вам когда-нибудь доводилось слышать этот звук, вы бы сразу поняли, откуда он, и мы тоже поняли, поскольку впервые издавали его вместе: шум солдат. Кто-то подтягивал к «Безымянному бару» подчеркнуто солидную армию, и это означало, что с безопасностью они не шутят. Поскольку солдаты вряд ли шли нас арестовывать (а если и так, поделать мы ничего не могли), все вывалились через большую сосновую дверь бара на улицу и стали наблюдать за их приближением.

На улице было холодно и сухо. Наступила ночь, колдовская темнота; пески уже отдали все тепло, так что прохладный ветер обдувал деревянную крышу бара, служебные постройки, угрюмые лачуги и дома, обшитые деревом, из которых состоял забытый всеми городишко Эксмур, население 1309 человек. У подножия Миллгрэмского холма пролежала наша секция Трубы; свет из окна

спальни и огороженного загона выхватывал из мрака единственную серую полосу. Чуть дальше вторая такая же полоска появлялась, когда в одиноком соседском домишке включали свет. Труба шла в обоих направлениях; где-то на другом конце земли две полоски соединялись, и место это наверняка было полной противоположностью Эксмуре, то есть солнечным и жизнерадостным. По всей длине Трубы с промежутком в несколько ярдов торчали краники, из которых поднимался в небо первоклассный чистейший ФОКС, волшебное зелье, поддерживающее в более-менее одинаковом виде ту часть мира, которая еще принадлежала нам. Никто толком не знал, откуда он берется и как делается; многие считали, что его конденсирует из воздуха и лунного света какая-то огромная машина вроде яйца с проводами и лампочками. Подобных машин тысячи, они уязвимы и жизненно необходимы, так пусть же они работают вечно.

Как-то раз мне довелось увидеть часть этого оборудования: длинные черные ромбы со скругленными боками, сплошь утыканные трубками и кранами. Жуткое зрелище. Не яйца, а скорее космические капсулы или батискафы, предназначенные не для странствий по враждебным средам, а ровно наоборот: они делают среду вокруг нас менее враждебной.

Народ как мог старался не замечать Трубу. Выдумывал для нее эвфемизмы, как для рака, импотенции и дьявола, местами раскрашивал в яркие цвета и даже растил на ней цветы. Только в ничтожных городишках-прилипалах вроде Эксмуре можно было лицезреть Трубу в первоизданном виде — ржавый презренный хребет нашего существования, несущий безопасность, надежность и иллюзию постоянства во все уголки и закоулки Жилой зоны.

На самом деле, то была не петля, а скорее затейливое птичье гнездо. Кое-где Труба разворачивалась на сто